

«УЧЕБА»

Вокруг этого слова до сих пор не улеглись страсти. Известно, что писатель Б. Лавренев назвал его в числе «изуродованных русских слов», а тех, кто его употребляет, — «убийцами русского языка». Мы помним и отношение Ф. Гладкова к *учебе*. По свидетельству К. И. Чуковского, Ф. Гладков «питал самую пылкую ненависть» к этому слову¹. Писатель Б. Тимофеев посвятил *учебе* отдельную главу во 2-м издании своей книги «Правильно ли мы говорим?» (1963). И вот что там, в частности, сказано: «Прежде всего о «возрасте» слова *учеба*: старое оно или молодое?»

Ответ: и старое, и молодое. Точнее: в русском языке существует давно, но в широком употреблении вошло недавно...

...только около сорока лет тому назад... оно стало широко распространяться и ныне прочно вошло в быт, имея ревностных защитников и яростных противников² (стр. 85). «... а есть ли в нем (в слове *учеба*. — Э. Х.) насущная необходимость? Ведь обходились же без слова *учеба* раньше?.. Может быть, в слове *учеба* есть какой-то особый смысловой оттенок, отличный от слова *учение*?»

Пожалуй, есть. *Учеба* — это *заучивание* (здесь Б. Тимофеев ссылается на известное место из речи В. И. Ленина на III съезде комсомола. — Э. Х.)» (стр. 85—86). «Итак — слово *учеба* имеет право на существование только в ограниченном смы-

сле (*заучивание*), никак не заменяя и не вытесняя, а только дополняя слово *учение*. А потому его повсеместное и монопольное распространение следует считать неоправданным» (стр. 87). «Следует заметить, что словосочетание *литературная учеба* уже при его появлении в виде названия журнала многим казалось не совсем удачным. (Вспоминаю, как значительно позднее один литератор находил это сочетание слов подобным сочетанию *гипертоническая хвороба*.)

Вообще в слове *учеба* есть что-то грубоватое, похожее на *трущобу*, *чащобу* и... *хворобу*...

Попробуем сравнить *учебу* с другими сходными по звучанию отглагольными существительными: может быть, отсюда удастся извлечь какое-нибудь общее правило?

Вспоминаем: *лечить* — *лечение*, *вручить* — *вручение*... и т. д. Ни «лечеба», ни «вручеба» не получают» (стр. 86—87).

А что говорят об *учебе* языковеды? Первое слово принадлежало здесь лексикографам. В. И. Даль сообщал: «*Учба* вор. (воронежское. — Э. Х.), *учеба* нвг. *учоба* кур. наука, ученье. *Учеба не далась ему*... *Учѣбъ м. стар. ученье, выучка. За учѣбъ взять 20 рублевъ*»³. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова говорилось: «*Учеба* (или *учоба*)... мн. нет... (офиц. разг., раньше простореч.). 1. Действие по глаг. *учиться*, процесс обучения, ученье... 2. Муштра, дрессировка, не вполне осмысленное обучение (с оттенком пренебрежения)... *Старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Ленин*»⁴. В вышедшем через 21 год 4-м томе «Словаря русского языка» находим *учебу* уже без всяких помет и лишь с таким толкованием: «Действие по знач. глаг. *учиться*;

¹ См.: К. И. Чуковский, Живой как жизнь, изд. 2, 1963, стр. 43—44.

² Стоило мне мимоходом вступить за это слово на страницах журнала «Новый мир» (1963, № 3), как в редакцию пришло сердитое письмо читателя из Архангельской области: «Это исковерканное нерусское слово появилось в 20-х годах и совсем не свойственно русскому народу, как это хочет представить Ханпира», «незаконное коверканье правильного русского слова *ученье*». «Вот *учба* — да, было в народе такое слово, но *учеба* нигде никогда до 1922 г. не было».

³ «Толковый словарь живого великорусского языка», изд. 2, 1882, т. IV.

⁴ «Толковый словарь русского языка», 1940, т. IV, стлб. 1036.

обучение, учение». В словаре-справочнике «Правильность русской речи» (1962) читаем: «Это слово — диалектное по происхождению... Попав в литературный язык, оно приобрело оттенок пренебрежения и стало обозначать не просто процесс обучения, а бессмысленную зубрежку... В 20-х — начале 30-х годов оно начинает широко употребляться в языке, но уже без каких-либо отрицательных оттенков и в более широком, чем раньше, смысле» (стр. 172). «...в русском языке наших дней *учеба* — широко употребляющееся слово со значением «процесс обучения, ученье». А в некоторых сочетаниях слово *учеба* и не может быть механически заменено словом *учение* (примеры: *политучеба, техучеба*. — Э. Х.)...» (стр. 173).

Теперь попытаемся ответить на вопросы: 1) когда появилось слово *учеба*? 2) как оно возникло? 3) какие значения есть у него в современном языке? 4) как к этому слову надо относиться?

В древнерусском языке (и в старославянском) существовали такие слова с суффиксом *-ьб-*, как *лѣчьба* (ср. в чешском *lěčba*), *врачьба*. Отсюда с помощью суффикса *-ьн-* — *лечьбный, врачьбный* (а от них уже *лечьбник, врачьбник*). Звук *ь* после *ч* в этих словах из *ь* в сильном положении, но *ь* не перешло затем в *о*, ибо мягкое звучание звука *ь* в кратких формах прилагательных, видимо, мешало этому: *лечьбень, лечьбный, лечьбник, врачьбный* есть в современном русском литературном языке, а «*лечьбы*», «*врачьбы*» нет ни в современном русском литературном языке, ни в просторечии (наверное, есть еще в отдельных говорах)⁵. А вот *кошьба, ходьба, свадьба* (из *сватьба*), *хвальба, пальба, мольба, дружьба, служьба, ворожьба, божьба, мольба* дожили до наших дней.⁶

⁵ В говорах от глагола *неводьти* было существительное *неводьба* (см.: «Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 г.», «Опыт областного великорусского словаря 1858 г.», «Словарь областного олонекского наречия» Г. Куликовского, 1898).

⁶ Ср. в современном украинском *клятьба* — «проклятие». Ср. в старославянском

Дожило до наших дней и слово *судьба* (от *судити*), но уже не в первичном значении, а в переносном (первичное значение было живо еще во времена Даля, он толковал его так: «...суд, судилище, судьбище и расправа. Пусть нас судьба разберет, пойдем в волость! Что судьба скажет, хоть правосуд, хоть кривосуд, а так и быть. Они на судьбу пошли»). От некоторых из этих слов есть прилагательные и существительные (напр., *свадебный; судебный, судебник; хвалебный*), а от других нет (что само по себе — чистая случайность, весьма нередкая в языке: ср. наличие *явки* и отсутствие «*учки*»).

В старорусском языке было слово *учеба*. В «Псковской судной грамоте» XV в. (список XVI в.) есть прилагательные «*оучебнаг*», «*оучебномъ*» (цитирую по картотеке «Старорусского словаря»). Стало быть, слово *учба*, от которого произведены эти прилагательные (ср. в современном украинском *учбовий*), уже существовало в XV в. (Возможно, оно было и в древнерусском языке: это станет ясным после выхода в свет «Древнерусского словаря»⁷.) В древнерусском языке были еще и другие формы этого слова: *учебъ, учоба*:

А как станет Иванъ учитца въ грамоту, и ему взяти изъ казны пять рублевъ денегъ московскихъ на учебъ (1612)⁸. Федоту от учобы рубль (1662), за учебъ денегъ двадцать рублевъ (1648). Ср.: А на учьбъ стрѣльцомъ и козакамъ зелье велѣтъ держать свое (1686)⁹.

(«Синайский требник») слово *цѣльба* (от глагола *цѣлѣти*) со значением «исцеление» и там же в том же значении *цѣлѣню, цѣльба*... (А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. II, М., 1952, стр. 74). Кстати, Мейе, очевидно, ошибался, полагая, что подобные слова — отыменные (а не отглагольные) образования (см. его «Общеславянский язык», М., 1951, стр. 286) (ср.: *мольба, кошьба, режьба, старослав. алчьба*, (от *алчати*)).

⁷ Работа над ним, как и над «Старорусским словарем», ведется в Институте русского языка АН СССР.

⁸ «Данная Е. И. Поленинова с сыном Шидровскому монастырю» (цит. по публикации в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1902, кн. 2, стр. 228).

⁹ Цитируется по картотеке «Старорусского словаря».

Форма *учоба*, по-моему, может быть объяснена контаминацией форм *учба* и *учебъ* (самый факт контаминации не может опорочить слова: вспомним, что *крестьянин* — контаминация слов *крест* и *христианин*). Но это были разные слова, а тут — две формы одного слова). Впрочем, *учоба* могла появиться и в результате воздействия отыменных образованного типа *худоба*, *утроба*, *злоба*¹⁰. Во всяком случае, это такая же русская форма слова, как и *учба*, и *учебъ* (ср. просторечное *давеча* и диалектное *давча*).

К XIX в. все три формы были уже не просторечными, а диалектными. Прилагательное же *учебный* и существительное *учебник* стали вполне литературными словами (ср. *варежка*, *шкатулка*, *деревяжка* и *варега*, *шкатула*, *деревяга*).

Видимо, в годы первой мировой и гражданской войн, в годы небывалой миграции населения, а затем и небывалых социальных потрясений слово *учеба* из диалектного стало просторечным, общеизвестным.

Оно было коротким и звучным, как *стрельба*, *косьба*, *пальба*. Оно не несло с собой никаких ассоциаций с церковным *учением*, с *вероучением*: оно было совершенно «безбожным».

В октябре 1920 г. Владимир Ильич, выступая перед делегатами III съезда РКСМ, трижды произносит это слово как вполне понятное им, приехавшим из разных губерний республики, со всех фронтов. Мне кажется, что известную ленинскую характеристику старой школы, данную в этой речи, толкуют не совсем точно. *Учебу*, *муштру*, *зубрежку* толкуют здесь как синонимы. Мне же представляется, что Ленин в этом выступлении дал многостороннюю характеристику старой школы: он подчеркнул, что в ней только учи-

ли (в отрыве от практики, от производительного труда), что в ней муштровали, что в ней учились бездумно, формально, механически (т. е. зубрежка как метод учебы).

Слово *учеба* Владимир Ильич применил, думаю, в обычном, языковом, общенародном значении — «процесс обучения, ученье».

Но если признать, что *учеба* была Лениным употреблена в смысле «зубрежка, бездумное заучивание», то тогда нельзя считать это одним из значений (как это сделано в словаре под ред. Д. Н. Ушакова) или единственным значением в определенный период (как это сказано в словаре-справочнике «Правильность русской речи»), а тем более до сегодняшнего дня (как это получилось у Б. Тимофеева, который не заметил, что, согласно его толкованию, заглавие «Литературная учеба» можно было бы заменить «Литературным заучиванием»). Если понимать учебу в этой ленинской речи как «зубрежку, бездумное, неосмысленное заучивание; дрессировку, муштру», тогда надо говорить не о значении, а об употреблении.

Вот почему, на мой взгляд, правы составители «Словаря русского языка», которые дают слово *учеба* с тем значением, которое оно имеет в языке. С тем, в котором его применил Владимир Ильич, выступая с заключительным словом по политическому отчету ЦК РКП (б) 28 марта 1922 г.: «Если мы не сделаем политической ошибки, тогда я могу сказать, что 99 сотых партии будет с нами так же, как и беспартийные рабочие и крестьяне, которые поймут, что теперь время учебы»¹¹. В этом же значении слово стояло в названии журнала, основателем и первым редактором которого был А. М. Горький. В этом же значении его пишут и говорят все, кто не имеет против него предубеждения, граничащего с предрассудком. А таких — подавляющее большинство.

Учеба мирно делит «сферы влияния» с *ученьем*. *Учебой* не называют тактические учения в армии. *Учебой* не называют учение как течение,

¹⁰ Ср. в статье акад. С. П. Обнорского «Переход *е* в *о* в современном русском языке» (в книге «А. А. Шахматов, 1864—1920. Сборник статей и материалов», М.—Л., 1947, стр. 301): «...*учебный*, откуда *учебник*». К этому в сноске: «Это произношение усвоено и просторечием; отсюда просторечная форма имени существительного *учоба*, в древнерусском прилагательное звучало *учебный*».

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 288.

направление научной и политической мысли. И потому, когда говорят *партучеба*, никто не принимает это за доктрину партии, за учение, которым партия руководствуется.

Учение (ученье) по смысловой структуре богаче *учебы*, но есть случаи, где стилистически *учеба* более к месту. Например, человека посылают на *учебу*, а не на *учение*. *Учение* здесь звучало бы сегодня несколько выпячено. Зато в торжественной «Песне о Родине» *ученье* стоит на месте: «Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд». Мне кажется, что ныне отношения между *учебой* и *ученьем* напоминают отношения между словами *работать* и *трудиться*¹².

¹² Ср. протесты против ненужного употребления *трудиться* вместо *работать* в книге «Культура речи» Д. Э. Розенталя (1-е и 2-е изд., 1959—1960), в статье поэта И. Исаковского («Литературная газета», 10 декабря 1960 г. и 14 ноября 1964 г.).

Слово *учеба* — вполне литературное слово. Кроме людей старшего поколения, никто уже не ощущает не только диалектной, но и просторечной окраски у этого слова. Когда-то *паук, земляника, пахарь, брюква* были диалектными словами. Но вот они попали в просторечие, откуда в литературный язык. И кто же теперь помнит об их родословной? Разве что языковеды. Но и им это не мешает ощущать данные слова достоянием лексики литературного языка. Вот почему совершенно верно сделали составители «Словаря русского языка» (т. IV, 1961), сняв все пометы возле слова *учеба*: слово это звучит и в разговорном стиле литературного языка, и в книжном, и в официальном. Пометы ему не нужны, как, например, и слову *работать*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

На «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера в 4-х томах, перевод с немецкого (издательство «Прогресс»).

Этимологический словарь русского языка Фасмера содержит сведения о происхождении и истории исконных и заимствованных слов русского языка. Он предназначен не только для ученых-специалистов, но и для педагогов-словесников, студентов гуманитарных вузов и широких слоев интеллигенции.

Цена издания 12 руб., цена одного тома — 3 руб.

Словарь выйдет в свет в течение 1965—1966 гг.

Подписка принимается всеми магазинами, распространяющими подписные издания.

Союзкнига